

Глава 5. СССР–РОССИЯ: ОТ ГЛОБАЛЬНОЙ АЛЬТЕРНАТИВЫ К ПЕРИФЕРИЙНОМУ МОДЕРНУ?

Советский проект как альтернативный Модерн

Одна мироэкономика, два Модерна?

В рамках капиталистической миросистемы критический дискурс «советского проекта» был не чем-то внеположным Западу, «другим», либо уникальным, но интеллектуальной и практической реализацией принципа дополнительности, применительно к проекту Просвещения и Модерна. Тем «утопическим жестом», который обнаружил культурные, исторические, экономические ресурсы адаптации незападных обществ, находящихся на периферии проекта Просвещения. Это стратегии, позволяющие вписаться незападным обществам в актуальную мироэкономику, в том числе посредством ее критики и контролируемых трансформаций, которые и позволяют капиталистической миросистеме оставаться глобальным политическим проектом.

Советская модель «альтернативного Модерна», связанная с аутентичностью «своего пути», получила наиболее законченное теоретическое воплощение в отечественных версиях марксизма как теории капиталистической (индустриальной) модернизации. В этом смысле советский марксизм интересен тем, что он вобрал в себя и воспроизвел многие идеи тех, кто ему предшествовал и кого он победил, попутно вобрав идеи повергнутых противников. Речь идет об идеях славянофилов, народников, анархистов (эсеров) и евразийцев. Построение социалистического общества сначала в отдельной стране, потом в «социалистическом лагере» представляло собой не что иное, как разработку варианта Модерна альтернативного западному.

Особенности аутентичного политического пространства России осмысляются здесь как детерминированные: а) статусом России как сверхдержавы – авангарда мирового социализма, б) статусом особой страны, шагнувшей из традиционного общества в социализм; в) нередуцируемостью России ни к Европе, ни к Азии, ни к квинтэссенции того и другого – Россия как Евразия/Азиопа; г) идеократическим принципом построения российского государства. В силу идеократичности содержание идей, их язык, способы выражения, идейная тотальность были чрезвычайно важны. Причем идеократия вовсе не сводилась к официальному языку марксизма-ленинизма и классовому подходу. Наоборот, официальная идеология советского государства была лишь внешней (означающей) формой, в которой нашло свое выражение практически все значительное внутреннее содержание предшествующей российской политической традиции.

Отсюда адекватность и эффективность марксизма-ленинизма как официальной идеологии. Марксизм был не столько содержанием советской идеократии, сколько наиболее адекватной и близкой российской культурной реальности рациональной пленкой идеологии, наиболее адаптированной к историческим условиям России. Поэтому отождествление классического марксизма и официальной советской идеологии аналогично поверхностному отождествлению внешних форм ритуала с его внутренним смысловым содержанием, то есть движением самого духа.

Марксизм победил вне ареала исторического рождения именно потому, что изначально был освоен не как догматическая доктрина, но как метод, руководство к действию, к ревизионистскому в своей сущности развитию идей, предполагающему прежде всего этическую интерпретацию ключевых экономических «догматов» К. Маркса. Только творческая критическая теория внутри марксизма могла

обосновать и легитимировать СССР, возникший вопреки догмам марксизма и синтезировавший форму марксизма с «почвенническими» течениями.

В постсоветский период «советский проект» в качестве альтернативного пути развития, несомненно, коррелирует с «реваншистским мировоззрением» и критикой доминирующего «либерального консенсуса», основанного на демократии и капитализме, как «жесткого варианта Модерна», отождествляемого исторически и социокультурно с Западом.

Первую форму «альтернативного Модерна», возникшего на базе «советского проекта» можно назвать «позитивной». Она сосредоточена на оправдании и возвышении собственной российской истории, уникальности аутентичного политического универсума. Позитивная версия построена на апологии России как уникального политического универсума, в рамках которого сформировалась альтернативная модель Модерна, своего рода «традиционный Модерн». Причем отличия от западной модели для ее адептов более ценны, чем сходства с ней. Призывы к переносу в Россию неких успешно работающих институтов и практик извне оцениваются как разрушение собственного политического универсума, его архаизация. Поэтому попытки модернизации России как копирования Запада, начиная с Петра I, западников и заканчивая делящейся по сей день пост-перестройкой, воспринимаются как провальные.

Основной претензией адептов позитивной версии альтернативного Модерна своим противникам является упрек в придании «холодной войне» и антагонизму советского строя с «капиталистическим» статуса «внутренних идеологических разборок», разрешаемых в рамках универсального *идеологического* дискурса западной версии Просвещения и Модерна. Суть конфликта, по их мнению, носит фундаментальный культурный (цивилизационный) характер,

уходящий в глубь совместной истории России и Запада и вовсе не исчерпывающийся советским периодом. В этой ситуации некритичное принятие ценностей «чуждой цивилизации», с помощью которых она описывает глобальную реальность, является цивилизационным поражением. Поэтому Россия не может осмысляться как «интересный частный случай», который необходимо «исправить и включить» в глобальную философию истории западной цивилизации, если Россия не желает потерять свою субъектность на глобальной «шахматной доске».

Напротив, апологеты «советского Модерна» утверждают, что СССР является закономерным, органическим и даже высшим этапом российской истории, в ходе которого Россия была полностью модернизирована и окончательно перешла к Современности-Модерну. СССР представляется как самостоятельный вариант «социалистической современности», а вовсе не «предсовременность» или «отклонившийся вариант» современного Запада. Доказывается, что различия этих двух вариантов современности – «социалистического» и «капиталистического» (в рамках глобальной миросистемы), заключались в субъективных вещах (ценностях), в «надстройке» над общим базисом признаков и критериев современности. Обрушение одной из этих «современностей», связанное прежде всего с внутренними процессами, происходившими в ней, вовсе не означало, что оставшаяся является победившей, истинной, универсальной.

В этом смысле делается вывод о том, что постсоветский период отнюдь не является ни антисоветской контрреволюцией, ни капиталистической реставрацией, ни возвратом в точку отсчета 1913 г., ни выходом на «общечеловеческий» магистральный путь развития, осмысляемый в рамках транзитологии как единственно возможный. Любые аналогии неуместны, так как сложившаяся политическая ситуация уникальна и непредсказуема. Она «не предска-

на» ни российским обществоведением, ни западной советологией, но ее суть может быть заключена только во всем историческом онтогенезе российского политического универсума.

С другой стороны, трансформация российского политического поля, безусловно, связана с мировыми политическими тенденциями новейшего времени и не может рассматриваться изолированно от них. Но адекватное ее осмысление может быть связано только с его уникальностью и отличиями, но никак не с попытками переноса и адаптации «вчерашних» либо заимствованием «иноцивилизационных» теорий, переносимых на политическую ситуацию, которая не вписывается в предлагаемые этими теориями ложные парадигмы.

Вторая, «негативная» форма «альтернативного Модерна», связана с принципом «от противного», то есть критикой попыток «западного Модерна» покинуть свой политический ареал и без изменений, без отказа от черт «особенного» реализоваться в ином цивилизационном пространстве. Здесь не столько обосновываются непреодолимые цивилизационные различия России и Запада (которые как раз преодолимы), сколько критикуются жесткие формы идеологического экспансионизма и мессианизма нормативного «западного Модерна», практические попытки взрастить Модерн в неизменном виде на иной культурной почве, без всяких приемов акклиматизации и гибридизации, что делает эти попытки чрезвычайно неэффективными.

В нынешнем мировом контексте приверженцы «советского проекта» как эффективно реализованной версии «альтернативного Модерна» приписывают России следующую дилемму. Либо она, стремясь стать частью «цивилизованного мирового сообщества», станет его периферией, сырьевым придатком, то есть объектом политической, экономической, культурной глобализации. Либо Россия смо-

жет стать в авангарде антиглобализма, то есть классов, стран и регионов, потенциально образующих противовес «золотому миллиарду», центру миросистемы как единственному реальному субъекту глобальной политики. Здесь подчеркивается, что роль глобального полюса силы, политического организатора глобального субъекта труда, выступившего против интересов капитала, в свое время успешно сыграл СССР, добившийся значительных успехов: деколонизации мира, геополитической стабильности, «социализации» мировой капиталистической экономики прежде всего в странах самого Запада. Наконец, третий возможный вариант, активно разрабатываемый в частности в книгах В. Цымбурского¹, М. Калашникова² и А. Паршева³, – автаркия, изоляционизм, опора на собственные силы и сосредоточение на внутренних проблемах – тоже является «одним из», но самым маловероятным вариантом, поскольку он связан с неизбежной маргинализацией России в глобальной мировой экономике.

Относительно кризиса «советского модерна» вывод его апологетов состоит в том, что реформами, начиная с перестройки, в России был совершен не идеологический, это лишь прикрытие, миф, рационализированный советологами и транзитологией, а именно цивилизационный переворот. Поэтому в результате фундаментальных политических реформ произошла не смена идеологий, а смена «базового мифа» общества, выход в пост-Модерн. Оказалось, что модернистские идеологии были лишь исторической структурой, но не сутью борьбы, связанной с проти-

¹ Цымбурский В.Л. Остров Россия. Геополитические и хронологические работы. 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2007.

² Калашников М. Вперед, в СССР–2. М., 2003; Калашников М. Сломанный меч Империи. М., 2005.; и др.

³ Паршев А.П. Почему Россия не Америка. М., 1999; Паршев А.П. Почему Америка наступит. М., 2002.

востоянием равновеликих альтернативных вариантов современности: «догматического» и «альтернативного» Модерна.

Навязанный контр-Модерн

Политические причины поражения СССР связаны с тем, что в глобальном плане СССР остался идеологическим государством. В рамках реализованных в нем в критическо-альтернативной форме ценностей Просвещения и Модерна он не смог освоить ситуацию и состояние пост-Модерна. Поэтому не ресурсная, не военная и не экономическая, но манипулятивная победа Запада в «холодной войне» над СССР является по сути первой революцией нового типа – революцией символического порядка.

Триумф Запада связан именно с тем, что Запад изменил правила игры, политического противостояния, совершив символическую революцию. Спор, который велся вокруг вариантов Модерна и был ограничен рамками этих проектов, он превратил в спор между Модерном и пост-Модерном, то есть легитимировал для себя игру без правил, в то время как противник остался верен старым правилам, ценностям и целям в их «альтернативном варианте». В ситуации искусственного отчуждения масс от ключевых политических символов стала возможна дискредитация этих символов. В противном случае нападки на символы «советского Модерна» воспринимались бы как оскорбление самого здравого смысла, святых и сакральных истин. Лишь длительно накапливаемая деформация и делегитимация советского базового мифа подготовила общество к восприятию его негативной критики.

В период СССР «альтернативный Модерн» в сжатом виде претерпел следующую двухэтапную трансформацию.

1. Критика западного капитализма. Сакральность коммунистической идеи, утопический хилиазм большеви-

ков, сплавивших в новый базовый миф общества исторические православно-общинные идеалы и этическую критику капитализма К. Маркса. Референтным языком «извечных чаяний» народа вместо православно-этического стал экономико-этический дискурс, описывающий Модерн не в понятиях традиционного общества, а в присущих ему внутренне идеологических категориях: классы, эксплуатация, справедливость, борьба, капитал.

2. Нарастание критики базового советского мифа: а) как возврат к основателям, исправление второстепенных недостатков, пороков роста, «перегибов» в реализации все-сильных марксистско-ленинских доктрин и т.п.; б) поворот всего культурного пути развития, примат адаптации к «общечеловеческим» политико-экономическим и этическим постулатам, выраженным в западном Модерне. Экономико-этический язык марксизма, легитимирующего официальный советский дискурс, уступает место довольно архаичной и не присущей современному Западу языку капиталистической риторики рынка. «Советский проект» начинает осмысляться как «патологическое историческое отклонение» от единого пути развития человечества, представленного западным «аутентичным» Модерном.

Символы, организующие пост-советский политический космос, все еще носят печать целостности разрушающегося общества «советского Модерна». Но общий вывод пессимистичен, так как несмотря на тотальную ностальгическую реконструкцию символов «советского прошлого», «советский проект» для современной России окончательно стал атрибутом истории. Именно поэтому власть не боится воскрешать это прошлое как симулякр, все еще эффективный с точки зрения объяснительно-управленческих конструкций для большей части общества.

В условиях дискредитации норм, институтов, практик западного Модерна опиравшегося в России на концепт

«реформ» закономерны две естественные тенденции. С одной стороны, рост символического капитала «советского проекта» по отношению к нынешней российской действительности, с другой – рост интереса власти к тому, чтобы дискурсом «советского проекта» овладеть. Но этот дискурс в настоящее время уже не связан с социальной онтологией, а лишь спекулирует и паразитирует на ней, встраивая в различные «вторичные семиологические системы» (Р. Барт), будь то деятельность идеологов, политические технологи, литература или обыкновенная коммерческая реклама.

***Символический возврат в СССР:
проигрышный сценарий «периферийного Модерна»***

Объяснение символического дефицита постсоветского периода вытекает из констатации промежуточного состояния России: советские символы дискредитированы, новые почему-то никак не создаются, западные «универсальные» не приживаются. Поэтому нет ни целостной доминирующей системы символов, ни противостоящей ей альтернативы. Отсюда ностальгическая реконструкция властью советских символов, как реконструкция единой легитимирующей культурной традиции. Ностальгическое восстановление символов прошлого вытесняет первоначальный этап радикальной деконструкции советского наследия, который, разрушая все и вся, так и не смог породить новой легитимирующей идеологемы.

Поэтому «советское» фигурирует сегодня как симулякр, искусственно воссоздаваемый символический мир. Но «советское» модно и востребовано лишь как материал для создания новых политических идей именно потому, что оно «мертво». То есть в массовом сознании возврат к «советской реальности» стал окончательно нереальным. Как раз подобная ситуация и открывает советскую реальность для политико-конструирующих игр в постсоветском про-

странстве в качестве значимого материала для легитимирующих нынешнюю элиту идеологем.

Поскольку надежда прорваться обратно в «золотой советский век» оставила даже коммунистов, вместо призыва к революции, взрыву несправедливого социально-политического порядка остается лишь предаваться ностальгии о золотом веке: «В 1996 г. прыжок в прошлое представлялся преждевременным. Оно было слишком близко, в одном шаге. Возвращение коммунистов было реально. Мифу о «светлом прошлом» негде было развернуться. Однако в 1999 г. возвращение в СССР было уже невозможно... В обществе стал зреть запрос на *символический возврат* в СССР»¹.

В последние годы можно наблюдать как актуализируются в российской политике легитимирующие и интегрирующие советские практики, идеологемы, риторика. Интуитивно, российская власть добивается эффективности и легитимности, следуя именно ряду противоречащих нынешнему российскому «периферийному Модерну», но, тем не менее, эффективных культурных архетипов, содержащихся в нем в латентном виде. Например, концепт органического народо-государства противостоит здесь концепту «вторичного гражданского общества», которое предполагает в качестве своего условия разбивку на индивидов-атомов и последующую сборку «идеологического трансформера». Беспартийность Президента РФ знаменует вполне сознательную пиаровскую установку на видимость целостности бесклассового советского общества как «большой семьи». И эта норма является приоритетной перед «раскольническими» идеологическими членениями общества на партии и классы.

Советское как символический материал

Советские мифы онтологически неуязвимы в настоящем, поскольку принадлежит прошлому. Достаточно отме-

¹ Цуладзе А. Политическая мифология. М., 2003. С. 37.

тять в качестве примера лишь смену ключевого ельцинского либерального мифа о сверхценности демократии и свободы путинской реконструкцией политической риторики и символики, связанной с мифом о справедливом государстве. Причем в последнем случае советская риторика, понятная большинству населения, никак не коррелирует с реальным либеральным политико-экономическим императивом практики элит, образуя для него лишь алиби, прикрытие.

При этом можно заметить, что общественные трансформации/революции являются уже не народными и не демократическими «верхи не могут, низы не хотят», не объективными «конфликт производительных сил и производственных отношений», но субъективными, символическими революциями, в основании которых лежит воля, конструирующая «иное» политическое бытие. И эта открепленность от традиции, символов аутентичного политического универсума и истории позволяет «осимулякрить» как политическую систему, так и систему политического знания «о вчерашнем дне». Сохраняя подобное состояние до тех пор, пока не возникнет новый политический проект, не принадлежащий настоящему, которому на самом деле принадлежит и пост-Модерн, но *утопические контуры* которого только начинают проступать на пороге современности.

Фактически Россия попала в ситуацию «межвременья», когда из традиционной идеалтипической культурной модели политики вынут скрепляющий стержень ценностей «базового мифа» общества, когда «порвалась связь времен», поэтому весь историко-политический контекст сузился до «тирании настоящего времени». Российская власть с ее дискурсом повседневности, текущей повестки дня: отдать долги, сверстать бюджет, проиндексировать зарплату, стипендии, пенсии и т.п. – лишила политическую реальность утопического элемента, необ-

ходимого для ее развития. Аналогично и коммунистическая идеология перестала в свое время справляться с задачами легитимации политики СССР с помощью воспроизводимой в ней марксистской этики.

В настоящее время поиск идей, которые могли бы стать адекватным ответом России на вызовы глобализации, ведется и либералами, и евразийцами, и неомарксистами, которые *критикуют перспективу неолиберальной версии глобального пост-Модерна, оборачивающейся симуляцией и уничтожением Модерна*. Здесь ведется поиск оснований для анализа складывающейся политической ситуации, интенция которой состоит в том, что «Великая книга новоевропейской демократии до сих пор читалась на национальном уровне. Ее предстоит теперь прочесть на глобальном уровне – с позиций восстановленного суверенитета большинства, призванного демократически контролировать действия элит, подвизающихся на мировом уровне»¹. Однако существует и пессимистический вариант: «Демократия была эффективна в рамках национальных государств, усиление транснациональных политических институтов, с их информационными и экономическими технологиями делает публичную политику просто лишней»².

Россия в постбиполярном мире

Постбиполярность и глобальный дефицит нормативной политики

В своей основе политика зиждется на «отсроченном насилии»³. Но самая искусная и эффективная политика,

¹ Панарин А.С. Искушение глобализмом. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. С. 65.

² Неклесса А.И. A la carte // ПОЛИС, 2001. № 3. С. 41.

³ Ср.: «Церковь живет *отсроченной вечностью* (так же как государство — отсроченным общественным состоянием, а револю-